

Сильнее нет любви на свете, чем та, которой любят дети

— Мама! Мама! Не надо! — отчаянный крик крохи вернул на минуту сознание.

— Бред... я брежу... ты еще не можешь говорить, ты едва научился ходить... это все игры разума, — шепотом сказала она в детское личико, склонившееся над ней и смотревшее совсем не детскими глазами.

— Мама вернись! — снова завопил малыш и, что есть силы, стал колотить ее маленькими ладошками.

— Это конец, я все решила...

— И за меня тоже? А как же я? Кто дал тебе такое пра-а-аво?... — голос удалился и скоро совсем потух.

Маленький ребенок стоял на коленях возле ее тела:

— Кому я нужен кроме тебя? Мама! Ты об этом подумала? А ведь я... я люблю тебя больше всех на свете! Ты — весь мой мир, и ты его разрушила!

— отчаянно, не по возрасту всхлипывал он. — Мы вместе были целой Вселенной, и никакие бури не страшны, а что теперь? Что у тебя может быть такого, что важнее меня? Что ты решила меня бросить?

Словно пелена с глаз спала. Что же она наделала?!... Бросилась к малышу, но руки прошли насквозь. Он вдруг повернулся и посмотрел своими заплаканными зелёными глазами прямо на ее туманный образ:

— Считаешь, тебя предали и тяжело тебе? Нет, мама, это ты меня предала только что. Хочешь увидеть мою жизнь? Смотри!

Картинка сменилась. Их небольшая комнатунка исчезла. Вокруг были детские манежи и в каждом плакали малыши. Только один не плакал. Просто смотрел, как равнодушные тетki сновали мимо, будто роботы, выполняя свою ежедневную рутину. Одна остановилась и рывкнула:

— Чего орете? Нет у меня на вас времени. Лучше вам всем заткнуться, ублюдки.

Затем появилась улица. Малыш с теми же глазами, но уже постарше, прятался за углом хлебного ларька, торопясь сгрызть пару только что найденных сухарей. Злое рычание рядом заставило его застыть. Собака размером почти с него оскалилась, заявив свои права на находку, и он, бросил в нее свою добычу, судорожно вытирая выступившие слёзы. Собака ушла, а он выглянул из-за угла.

Папа подал дочке того же возраста пышную, волшебно пахнущую ванилью булку. Девчушка, одетая как кукла, смачно откусила кусочек, ожидая родителя, и вдруг поймала взгляд зелёных глаз.

— Дай мне кусочек булочки... пожалуйста..., — прошептал ей малыш, осмелившись сделать шаг ближе.

Пока девчонка открыла рот, в изумлении глядя на чумазого собеседника, освободился папаша:

— Эй, ты это что? А ну, пошел вон отсюда! — мужик ухватил мальчишку за шиворот и швырнул его прочь так, что тот упал.

Люди вокруг не обращали на них никакого внимания, спеша со своими заботами. Им не было никакого дела до происходящего.

Она бросилась к мужику с криком:

— Да как ты смеешь! — и снова она пролетела мимо, а полные слез зеленые глаза снова посмотрели в самую душу, обжигая до боли:

— А ты, как смеешь, мам?

Снова их комната. Как она раньше не замечала, как здесь уютно! А ведь она сама так все устроила.

— Маленький мой..., — начала было она.

— Ну, мне еще долго ждать, — джентльмен в чёрном стоял у окна, сложив руки на груди. — Мне б романы писать, так они все точно бы стали бестселлерами, — он промежду прочим разглядывал свой глянцевоый маникюр. — Жаль времени нет. Барышня, вы сделали свой выбор — теперь пожалуйста! Пора!

— Нет! — с твердостью в голосе заявила она.

— Не отда-а-ам!!! — кроха кинулся к джентльмену, но со всего разгону треснулся лбом о подоконник.

— Стоп! Мы так не договаривались! Так совершенно невозможно работать!

— нервно заметил тот. — Я не могу преодолеть такое сопротивление.

Чертовы люди! Сначала думайте, потом делайте!

— Манюня, что ты так кричишь? — на пороге появилась их пышнотелая соседка. — Ай, Анька! Ай, дура! Вот я тебе сейчас задам! — всплеснула та руками, разглядывая рассыпанные вокруг остатки таблеток. Крепкая женщина без особых усилий дотащила ее худенькое тело до унитаза и безжалостно сунула два пальца в рот.

Джентльмен смущенно закурил, глядя на зеленые глаза с разбитым лбом:

— Пожалуй, напишу пару рассказов и парочку заданий пропущу. Может, уволят. Я, определённо, становлюсь сентиментальным. Ещё бы: столько веков сплошные драмы смотреть. Воистину, сильнее нет любви на свете, чем та, которой любят дети...